

DOI 10.15393/j9.art.2018.5502

УДК 821.161.1.09

Елена Александровна Масолова

(Новосибирск, Российская Федерация)

masolova@list.ru

Толстовский текст и интертекст в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус»

Аннотация. Настоящее исследование посвящено проблеме разграничения толстовского текста и интертекстуальных элементов в «Раковом корпусе» А. И. Солженицына посредством выявления частотности апелляции к идеям Л. Н. Толстого, а также Сталина, Горького, Бэкона, Пушкина, Гервега. В «Раковом корпусе» идеи Толстого, изложенные в рассказе «Чем люди живы», в повести «Казачьи» и романах «Война и мир» и «Анна Каренина», «провоцируют» споры персонажей о смысле жизни, являются шкалой оценки происходящего, задают высочайшие религиозно-нравственные ориентиры, влияют на мыслящих персонажей, приводя одних к принятию толстовских идей и духовному возрождению, других — к поиску собственных ответов на вопросы бытия. В повести Солженицына название рассказа Толстого «Чем люди живы» выполняет функцию эпиграфа; система персонажей строится с учетом того, насколько человек учитывает культурное наследие человечества и, в первую очередь, воззрения Толстого. Олег Костоготов, памятуя уроки Толстого, не принимает на веру ничьих мнений, вырабатывает собственное отношение ко всему происходящему и побеждает смерть. Цитируемые в «Раковом корпусе» отрывки из трудов философов, политических деятелей и писателей о «социальном» поведении человека «вторичны» по сравнению с онтологическими ценностями, представленными в творчестве Толстого, и не играют предопределяющей роли в формировании жизненных установок персонажей Солженицына. В жанровом отношении «Раковый корпус» — философско-публицистическая повесть. Преобладание толстовского текста над интертекстом — дополнительное свидетельство непреходящего значения идей Толстого для людей последующих эпох.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, Л. Н. Толстой, текст, интертекст, рецепция, онтологические ценности, «социальное» поведение, система персонажей, духовное возрождение

Выявление в художественном тексте цитат, пересказа идей из сочинений других писателей, философов, политических деятелей порой нельзя сводить сугубо к разговору об интертексте. В художественной литературе интертекстуальность — явление в большей степени «внешнее», чем внутреннее,

отражающее обращение одного автора к тексту / текстам другого, а потому цитирование или пересказ персонажами в форме косвенной речи чужих воззрений имеет «вспомогательное» значение. Когда в произведении одного автора взгляды другого задают планку мироотношения, во многом детерминируют сюжет и систему персонажей, следует говорить о наличии особого текста, в названии которого должна присутствовать фамилия художника / мыслителя, чьи установки «предопределяют» нарратив.

А. И. Солженицын считал, что людей XX в. воспитывала вся традиция XIX в. — в первую очередь, Пушкин, Достоевский и Толстой¹. Как рассказывал Солженицын, его отец прошел через толстовство², а сам он из ссылки писал Александре Львовне, дочери Толстого, рассчитывая на ее помощь при публикации своих произведений на Западе. По признанию Солженицына, Толстой стал для него художественным авторитетом³. Разделяя провозглашаемую им евангельскую заповедь о спасительности любви, Солженицын утверждал, что в XX в. в русской истории была вырыта бездна и связи с XIX в. почти исчезли⁴. Убедившись, что в современном мире установка «любовь все спасет» не приведет к практическим результатам, писатель заявлял о бессмысленности заимствовать представления о счастье, сформулированные много веков назад; с точки зрения Солженицына, необходимо предлагать промежуточные ступеньки для возвышения духом, чтобы люди жили по совести и творили добро⁵.

Длительное время в литературоведении было принято противопоставлять Толстого и Солженицына в плане их художественных исканий. Так, в частности, японский исследователь Тоёфуса Киносита замечает, что в творчестве Солженицына, в отличие от произведений Толстого, не бывает образа всеведущего автора [Киносита: 126].

В последнее время наметилась тенденция сопоставлять творчество Толстого и Солженицына в контексте духовной традиции и выявлять сходство этих двух писателей и мыслителей, во многом определивших литературный процесс и гражданское самосознание в России. Как совершенно верно пишет И. А. Есаулов, Толстой и Солженицын в изображении

«простых людей» «наследуют той глубинной традиции, органичной для русской культуры, которая базируется на христианском отношении к ближнему своему» [Есаулов: 31]. Согласно Л. И. Сараскиной, Солженицына и Толстого «объединяет пламенное отношение к христианскому учению, попытка творческого отношения к вере, желание, чтобы это учение было действенным и как вера, и как этика» [Сараскина: 13]. Ю. Н. Сытина подчеркивает, что при безусловной разнице в освещении многих проблем у Толстого и Солженицына общие христианские ценности, желание «жить не во лжи», стремление к добру, справедливости и подлинному братству [Сытина: 38]. По мнению А. С. Кондратьева, в творчестве обоих писателей воссоздано соборное миропонимание русских [Кондратьев: 48–53]. Д. А. Романов отмечает, что рассказы Толстого 1890–1900-х гг. и рассказы Солженицына 1960-х гг. объединяют использование приема недосказанной судьбы, выбор специфических языковых средств воплощения авторского замысла, эпический способ обобщения при очерковости формы, прием характеризующей детали, провозглашенная идеология объективности, детализация подробностей, ирония авторского взгляда на устройство государства [Романов: 209–216]. Е. А. Попова исследует третьеличностную форму нарратива, к которому обращались в художественных текстах оба автора [Попова: 195–208].

Также исследователи поднимают вопрос о типологическом сходстве персонажей Толстого и Солженицына. И. А. Есаулов указывает на общность Пьера Безухова и героев Солженицына Ивана Денисовича и праведницы Матрены [Есаулов: 31]; Л. Г. Сатарова и Н. В. Стюфляева проводят параллели между Пьером Безуховым, Платоном Каратаевым и Матреной [Сатарова, Стюфляева: 167–170]. Анализируя «Войну и мир» Толстого и «В круге первом» Солженицына, А. С. Кондратьев полагает, что оба писателя, для которых история раскрывается через человека, 1) отвергают и разоблачают наполеоновскую аксиологию, 2) рисуют духовно состоявшегося человека, который, посвящая себя другим, обретает свое «я», 3) приводят героев, прошедших через испытания, к восприятию установленного в их сознании целостного единства жизненных

процессов [Кондратьев: 47–48]. Н. В. Углова считает, что «Войну и мир» Толстого и «Красное колесо» Солженицына роднит героическая и патриотическая тональность и сходство Андрея Болконского и Георгия Воротынцева, которые вобрали черты защитника и правдоискателя, олицетворяющего непререкаемый нравственный авторитет [Углова: 60–65]. В. С. Расторгуева проводит параллели между праведником Фоканычем из «Анны Карениной» и Матреной из рассказа Солженицына [Расторгуева: 23]. Рассматривая образы Ефрема Поддубова из «Ракового корпуса» и Льва Толстого из «Августа Четырнадцатого», Л. И. Сараскина приходит к выводу, что мысли и ситуации толстовских произведений неоднократно обыгрываются в сочинениях Солженицына [Сараскина: 8–9]. Безусловно, писатель предлагает свои «идеологические» варианты решения ряда сюжетных коллизий, воссозданных в произведениях Толстого. В «Войне и мире», замечает А. В. Сафронов, смерть Каратаева становится отправной точкой для Пьера в постижении жизни, а в «Раковом корпусе» Солженицына, наоборот, «человек из народа» побеждает смерть, в отличие от «советского аристократа» Русанова [Сафронов, 2016: 106].

Во время работы над повестью о своем «онкологическом прошлом» Солженицын перечитывает народные рассказы Толстого, которые потом станут обсуждать персонажи «Ракового корпуса». В ряде работ литературоведов ставится вопрос о преломлении идей этих рассказов Толстого в повести Солженицына. Д. Б. Терешкина считает, что в «Раковом корпусе» в качестве эксплицитно представленной главной христианской заповеди любви выступает спор об этой нравственной категории, изложенной Толстым в рассказе «Чем люди живы» [Терешкина: 317]. И. Ю. Кудинова называет обсуждаемый в «Раковом корпусе» толстовский вопрос «Чем люди живы?» катализатором рефлексии персонажей Солженицына [Кудинова: 105]. Т. Г. Прохорова рассматривает диалогические связи «Ракового корпуса» с творчеством Толстого на сюжетном уровне и через нравственно-философские мотивы [Прохорова: 205–207]. Согласно А. В. Сафронову, Солженицын, опираясь на рассказ Толстого «Чем люди живы», ставит в повести вечные проблемы смысла жизни, любви и смерти, нравственности

существующего строя, называет источники материальной и духовной скудости послесталинского общества и выявляет, возможно ли излечение и какую цену [Сафронов, 2015: 749–756]. В «Раковом корпусе», указывает исследователь, есть и прямые отсылки к личности и произведениям Льва Толстого, и аллюзии, которые «можно расценивать как признак глубокой погруженности Солженицына в его идеи» [Сафронов 2015: 751]. С точки зрения А. В. Сафронова, тему победы жизни и любви над смертью Солженицын, отталкиваясь, в первую очередь, от философских взглядов Толстого, трактует «по-достоевски», давая высказаться самым разным героям и не занимая при этом позицию нравственного ригориста; в судьбах персонажей Солженицына проявляется толстовская идея о неотвратимости духовного возмездия и воздаяния в судьбе каждой личности [Сафронов, 2016: 104].

В «Раковом корпусе» персонажи обсуждают не только идеи Толстого, но также и высказывания Ленина, Сталина, Горького, Бэкона, Пушкина, Гервега, которые несопоставимы с доминирующими воззрениями Толстого в нарративе этой повести. Исследователи творчества Солженицына пишут о наличии интертекста в «Раковом корпусе», не ранжируя интертекстуальные элементы по степени их значимости. Л. А. Колобаева обнаруживает в повести Солженицына цитаты из сочинений ряда писателей, аллюзии на определенные тексты [Колобаева: 163–214].

В данной работе нами предпринята попытка выявить роль мнений цитируемых писателей, философов и политических деятелей в композиции и системе образов повести Солженицына «Раковый корпус», а также определить эти мнения как интертекст, а идеи Толстого — как толстовский текст, организующий нарратив.

Название повести Солженицына — «Раковый корпус» — не столько указание на специализацию клиники по лечению онкологических больных, сколько метафора: тоталитарное государство превратилось в раковый корпус, где многие, став воинствующими атеистами и приверженцами коммунистической идеологии, заболели и физически, и нравственно. Вопросы о смысле жизни с особой остротой встают перед людьми, находящимися в условиях пороговой ситуации, когда

пребывание на грани жизни и смерти заставляет человека подвести итог прожитому и / или переосмыслить былые ценности. В письме к А. А. Толстой от 26 марта 1888 г. Толстой рассуждает о смерти в торжественном регистре от 1-го лица, что придает его речи профетическую непререкаемость: «Я живу прекрасно и могу смело рекомендовать всем следующий и единственный рецепт для этого: готовиться умереть»⁶. Говоря о необходимости готовиться к смерти, Толстой имеет в виду готовность человека в любой момент предстать перед Всевышним, чтобы без страха ответить за свои деяния и помыслы.

Долгое время персонажи Солженицына, если апеллировать к словам Толстого, не были готовы к смерти; в раковом корпусе некоторые из них впервые размышляют о смысле жизни и, подводя ее неутешительные итоги, ищут ответы на вопрос, как жить дальше.

Завязка повести Солженицына — появление в больничной палате томика Толстого. Во второй главе вечно ссыльный Олег Костоглотов, повертев в руках какую-то книгу, по темно-синему переплету и по корешку которой «шла тисненая золотом и уже потускневшая роспись писателя», на всю палату сказал:

«— Если б не Демка эту книгу в шкафу выбирал, так поверить бы нельзя, что нам ее не подкинули. <...> По всему городу шарь — пожалуй, нарочно такой не найдешь»⁷ —

и сделал в этой книге ряд карандашных помет. И только через пять глав сообщается ее название — «Народные рассказы» Толстого. Для Олега эти рассказы, в которых поставлены онтологические вопросы бытия и дана перспектива нравственного возрождения, стали вариантом ответа на вопрос о смысле жизни. Когда герою заменили смертную казнь на вечную ссылку в Казахстан, он жил, по собственному признанию, «неизвестно — зачем» (3; 329). В конце повести Олег, которого врачи буквально вернули с того света, признался в изменении своего отношения к жизни:

«За эту осень я на себе узнал, что человек может переступить черту смерти, еще когда тело его не умерло. <...> а ты уже, психологически, прошел всю подготовку к смерти. И пережил

саму смерть. Все, что видишь вокруг, видишь уже как бы из гроба, бесстрастно. Хотя ты не причислял себя к христианам, и даже иногда напротив, а тут вдруг замечаешь, что ты таки уже простил всем обижавшим тебя и не имеешь зла к гнавшим тебя» (3; 35).

В «Раковом корпусе» не упоминается, что Олег когда-либо читал Евангелие и / или ходил в церковь. Слово Божие вошло в его сознание через текст-посредник — народные рассказы Толстого, в которых развиваются аналогичные идеи. Евангельские заповеди о прощении врагов, почерпнутые из этих рассказов, герой вспоминал на протяжении всей повести. Олег не знал, радоваться ли своему выздоровлению: в *равновесном, естественном состоянии* (3; 35) в преддверии смерти он испытал успокоение и опасался, что к нему, избежавшему смерти, вернуться все страсти и потеряется высокий настрой души, примиривший его с неизбежным концом человеческой жизни.

Другой герой повести, строитель Ефрем Поддуев, читавший только брошюры по обмену опытом, описания подъемных механизмов, служебные инструкции, приказы и «Краткий курс ВКП(б)» до четвертой главы, считал смешным «тратить деньги на книги или в библиотеку за ними перетяся» (3; 91); в дальних поездках прочитывал от 2 до 30 страниц и бросал книжку, «ничего не найдя в ней по умному направлению жизни» (3; 91). Книгу Толстого он

«тоже бы не стал читать, да всучил ее Костоготов в самый пустой тошный вечер. <...> он бы не стал читать, если б это был роман. Но это были рассказы маленькие, которых суть выяснялась в пяти-шести страницах, а иногда в одной. В оглавлении их было насыпано, как гравия» (3; 92).

Прочитав первый рассказ, Ефрем почувствовал, что он «как бы о деле», и герою

«захотелось подумать. Он подумал. Захотелось этот же рассказ еще раз перечесть. Перечел. Опять захотелось подумать. Опять подумал. Так же вышло и со вторым» (3; 92).

Будучи скептиком и циником и предчувствуя, что эта книга поменяет его отношение к жизни, Ефрем назвал рассказ Толстого «старой басней», но «перед сном еще думал о прочтенном»

(3; 92). В толстовских рассказах Ефрем захотел найти ответ о смысле жизни, поэтому «чтобы книгу не уперли и утром не искать» (3; 92), Поддуев сунул ее под матрас. На следующее утро Ефрем прекратил говорить людям, что они скоро умрут от рака, а «приудобился <...> читать эту тихую спокойную книгу» (3; 92); не отрываясь от чтения, съел в постели завтрак, «читал себе и молчал. С ним разговаривала книга, не похожая ни на кого, занятно» (3; 92).

Подчеркивая, какое потрясение от рассказов Толстого пережил Ефрем, Солженицын в отдельный абзац выносит предложение:

«Целую жизнь он прожил, а такая серьезная книга ему не падалась» (3; 92).

Смертельно больной герой, словно стыдясь своей поглощенности чтением, так оправдывал испытанное сильное впечатление от прочитанного:

«Рассказиками этими едва ли можно было прошибить здорового» (3; 93).

Накануне в оглавлении столь необычной книги Ефрем заметил рассказ «Чем люди живы», который «с первых же слов читался легко, ложился на сердце мягко и просто» (3; 93), и в нем говорилось, что человек жив любовью к Богу и через эту любовь восходит к любви ко всем людям. Точность заглавия этого рассказа поразила героя; ему казалось, что «до того это название было вылеплено, будто сам же Ефрем его и составил» (3; 93).

Признавшись себе, что вопрос о смысле жизни тревожил его последние две недели, Ефрем читал «медленно, как по слогам разбирая» (3; 93). В повести Солженицына почти целиком цитируется первый абзац рассказа Толстого «Чем люди живы» и приведена рецепция героя:

«Понятно это было все, и дальше очень понятно: сам Семен поджарый и подмастерье Михайла худощавый» (3; 93).

Далее, читая про барина, у которого была красная налитая морда, Ефрем мысленно увидел своих начальников по углетресту, нашел в себе много общего с характером этого барина, и

«не хотелось Ефрему ни ходить, ни говорить. Как будто что-то в него вошло и повернуло там. И где раньше были глаза — теперь глаз не было. И где раньше рот приходился — теперь не стало рта» (3; 93).

Этот рассказ так глубоко запал в душу героя, что при пересказе его Сибатову в речи Поддуева были текстуальные совпадения с «Чем люди живы». Идеи рассказа Толстого меняли все былые представления Ефрема, и он стал вспоминать прежнюю жизнь с недоумением, переходящим в самоосуждение:

«А вот по этой чудной книге так получалось, что Ефрем же во всем и виноват» (3; 94).

Задав соседям по палате вопрос «чем люди живы?», герой в ответ получил противоречивые суждения, которые были продиктованы разными причинами: голодным временем, когда ценился материальный достаток (вертухай Ахмаджан, медбрат Тургун), мечтой о высокой квалификации (грузчик Прошка), увлеченностью работой (геолог Вадим Зацырко), любовью к малой родине, защищающей от болезней (татарин Сибгатов), школьным учебником биологии (девятиклассник Демка ответил, что человек жив воздухом, водой и едой), установками правящей партии (адепт сталинизма, доносчик Русанов, отправивший в ссылку соседа по коммунальной квартире, чтобы занять его жилплощадь, объявил, объедая куриную ножку, что человек жив идейностью и заботой об общем благе; его дочь, журналистка Авиета, утверждала, что надо писать, приукрашивая жизнь согласно требованиям КПСС). Ефрем, не удовлетворенный услышанным,

«раскрыв книгу, уставился опять. Сам для себя он хотел понять — как же ответить правильно» (3; 96).

Не всегда рассказы Толстого могли настроить Ефрема на осмысление жизни. Когда он «дергался, волновался, смотрел, что делается в комнате и в коридоре» (3; 106), то не мог вникнуть

в прочитанное. По Солженицыну, чтобы понимать рассказы Толстого, человеку надо помнить об эфемерности жизни и не предаваться суетному. Под их влиянием Ефрем покаялся в том, что жил неправильно и подло, бросая женщин с детьми, и осознал, что за свои грехи наказан неизлечимым недугом.

У персонажей Солженицына разное отношение к творчеству Толстого. Демка, мечтавший поступить в университет, не осилил народные рассказы писателя, решив, что они расслабляют, запутывают, призывают не к борьбе, а к смирению. Русанов назвал «Чем люди живы» «чушью» и вынес вердикт: «За километр несет, что мораль не наша» (3; 97). Русанов, уверовавший в правоту коммунистической идеологии и отмащивший другие ответы на вопрос о смысле жизни, кроме тех, которые давали классики марксизма-ленинизма, язвительно спросил: «И чем же там — люди живы?» (3; 97).

Ефрем смалодушничал и, боясь показать, что стал разделять взгляды Толстого, как будто извиняясь, произнес: «Мол, любовью...» (3; 97), — на что Русанов возмутился: «Лю-бо-вью!?!.. Не-ет, это не наша мораль! — потешались золотые очки» (3; 97). Когда Демка сообщил, что автор этого рассказа — Толстой, Русанов запротестовал:

«Толстой писал только оптимистические и патриотические вещи, иначе б его не печатали. “Хлеб”. “Петр Первый”. Он — трижды лауреат Сталинской премии, да будет вам известно!» (3; 97).

Узнав, что рассказ «Чем люди живы» написал не Алексей, а Лев Толстой, Русанов начал глумиться:

«— Ах, не то-от? — растянул Русанов с облегчением отчасти, а отчасти кривясь. — Ах, это другой... Это который — зеркало русской революции, рисовые котлетки?.. Так сю-сюкалка ваш Толстой! Он во многом, оч-чень во многом не разобрался. А злу надо противиться, <...> со злом надо бороться!» (3; 97–98).

Для Русанова рассказы Толстого — *слякоть, махровая поповщина, зауспокойная поповская книжечка*, а их автор — *зауспокойный писатель*. Другой герой, участвовавший в обсуждении, Вадим, воспринимал рассказы Толстого как *несвоевременные, бесформенные, неэнергичные, слащаво-идеалистические штучки*, которым нельзя поддаваться, и считал их *водянистой*

блеклой правденкой, разжижающей басенкой о смирении и любви к ближнему. Услышав слова Вадима, Русанов обрадовался и сразу признал в нем коммуниста. Шулубин, участник Октябрьской революции, профессор, ставший библиотекарем сельхозтехникума, сказал Олегу, что толстовская проповедь любви к ближнему не имела с современной жизнью никаких связей.

Толстой незримо присутствует в жизни многих персонажей Солженицына. В третьей главе критике толстовских идей противопоставлена точка зрения старшего хирурга Евгении Устиновны, разделявшей негативное отношение Ерошки из «Казачков» Толстого к русским врачам, которые, по его словам, умели только резать, но не лечили травами. Для Евгении Устиновны самыми лучшими операциями были те, от которых она отказалась: «И в этом был прав Ерошка!» (3; 99), — повторяла она. Больные, большинство из которых вряд ли читали «Казачков», не верили в эффективность операций и, затаив дыхание, слушали Олега, говорившего об альтернативном лечении рака настоем чаги. Врач Людмила Афанасьевна оправдывала свой несостоявшийся карьерный рост, ссылаясь на Толстого, сказавшего про брата, что тот

«имел все способности писателя, но не имел недостатков, делающих писателем. Наверное, и она не имела тех недостатков, которые делают людей кандидатами наук» (3; 77).

Онколог Орещенков, желая отвлечь от тяжелых мыслей Людмилу Афанасьевну, понимавшую, насколько серьезно ее заболевание, поведал, как в студенчестве был выведен из театра за то, что смеялся на премьере пьесы Толстого «Власть тьмы», когда артисты натурально сморкались и развязывали онучи. В шутку сравнивая свой *прешпект* в огороде с *прешпектом* старика Болконского, вечно ссыльный врач Кадмин ценит себя за способность сопротивляться обстоятельствам: он разбивал десять соток своего огорода

«с такой замысловатостью и энергией, что куда там старый князь Болконский со всеми Лысыми Горами и особым архитектором» (3; 234).

Народные рассказы Толстого никого из героев «Ракового корпуса» не оставляли равнодушными и вызывали яростную дискуссию, в то время как авторы, получившие Сталинскую премию, представляли безымянными и неинтересными, и названия их книг путались в голове Демки. Силы победить рак Демка искал в книгах, но многие из них не приносили успокоения его душе:

«Книг очень много издавалось, прочесть их все никто не мог бы успеть. А какую прочтешь — так вроде бы мог и не читать» (3; 109), —

недоумевал он. Веря коммунистическим лозунгам, Демка чувствовал, что его заставляли менять внушаемые ему взгляды и хулить тех, кого недавно требовали превозносить, и в душе подростка росли непонимание, «давление ущерба, тоска» (3; 110).

Демка, как и романские герои Толстого, приходит к осознанию того, что человек не может жить сугубо интересами семьи. Пьер Безухов и Константин Левин поняли, что одна лишь любовь к женщине не сделает человека счастливым, поскольку превыше всего — любовь к Богу, Который через любовь к конкретной женщине дает возможность полюбить всех. Демка также почувствовал, что любовь к женщине — это не вся жизнь.

Главная мысль рассказов Толстого — о необходимости любить Бога. Эту евангельскую заповедь из сознания советских людей вытравливали, борьба с религией принимала нелепые формы. Некоторые примеры подобной борьбы находим в «Раковом корпусе», где директор школы сорвал со стены картину Саврасова «Грачи прилетели», сочтя запечатленную на ней церковь религиозной пропагандой. В школе детям внушали, что религия есть дурман, трижды реакционное учение, выгодное только мошенникам и мешающее освободиться от эксплуатации. Однако Демка, ища ответ на вопрос, почему у него рак, и услышав от тети Стефы о необходимости смириться перед Богом, неожиданно для себя понимает правоту ее слов:

«И сама тетя Стефа с ее смешным календарем, с ее Богом на каждом слове, с ее незаботной улыбкой даже в этой мрачной клинике и вот с этим пирожком была фигурой как бы не реакционной» (3; 112).

Толстой — бесстрашный оппозиционер, во всеуслышание высказывавший свои идеи. В современной Солженицыну эпохе было запрещено иметь собственное мнение. В школе детей заставляли писать заученными фразами о хлопкоробах, доярках, героях гражданской войны, Павле Корчагине, Матросове. Учителя, по словам Аси, страшали оценкой «кол» тех, кто хотел излагать собственные мысли. Для педагогов была крамольной мысль, что школьник может еще не знать, любит ли он родину. Шулубин с горечью вспоминал, что их заставляли стоя хлопать приговорам и требовать расстрела для «врагов народа». Олег, оказавшийся в ссылке за непочтительные слова о Сталине на студенческой вечеринке, назвал марксизм расизмом, и Русанов был возмущен этой *идеологической диверсией* (3; 344). Олег высмеивал слепое доверие к главам государства и ратовал за то, чтобы каждое поколение переосмысливало провозглашенные ранее идеи. Не найдя контраргументов, Русанов посоветовал Ефрему вместо Толстого читать Островского, от которого, по его словам, больше пользы.

Считая учение Толстого *глупостью несусветной*, Русанов заявил:

«— <...> Начитались вы всякой слякоти, товарищ Поддуев, и разоружились идеологически! И будете нам тут про всякое моральное усовершенствование талдыкать...» (3; 112),

на что Олег возразил:

«— А что вы так прицепились к нравственному усовершенствованию? <...> Почему нравственное усовершенствование вызывает у вас такую изжогу? Кого оно может обижать? Только нравственных уродов!» (3; 122).

Возмутившись тем, что Русанов запрещает человеку думать о смысле жизни и читать Толстого, Олег с сарказмом предложил сжечь эти книги.

Святейший Синод, по распоряжению которого Толстой был отлучен от церкви, Олег назвал *правительствующим синодом* (3; 123). Такая оговорка в речи Олега обусловлена тем, что для него Синод — воплощение цензуры, безапелляционности, желания диктовать всем свою волю; *правительствующий синод* в речи Олега — контекстуальный синоним политики Сталина, который, борясь со свободомыслием, отправлял непокорных в вечную ссылку или уничтожал.

Когда разговор заходит о смерти, Олег утверждает, что человек остается с ней один на один и коллектив не может в этом случае его поддержать. Страшась смерти, Русанов «постарался отвлечься государственными мыслями» (3; 21) об открытии сессии Верховного Совета, об утверждении бюджета на 1955 год, о состоянии дел в тяжелой промышленности и животноводстве. Узнав, что председатель Совета Министров подал в отставку, Русанов вспомнил слова Горького, что только тот достоин свободы (которая в его понимании равносильна выздоровлению), кто за нее идет на бой (Русанов не подозревал, что цитировал «Фауста» Гете, и готов был приписать Горькому все знаменитые цитаты, превращенные в советские пропагандистские клише). Он мнил себя бойцом и плакал при мысли, что его неправильно лечат.

Вадим задолго до болезни стал освобождаться от представлений, навязанных ему отцом, который любил Ленина и Сталина больше, чем жену, и втолковывал сыну, что в статьях Сталина глубокие мысли изложены прекрасным языком. Узнав про свой смертельный недуг, Вадим хотел успеть внести вклад в науку, читал книги по геологии и не соглашался с Ефремом, говорившим, что умирающему не нужна профессия. Впоследствии с ростом метастазов поглощенность работой покинула Вадима, и он потерял смысл жизни.

Метафорой бессодержательной жизни людей становится река Чу, *кончающаяся жизнь в песках* и протекающая в местах, куда был навечно сослан Костоглотов. Герой говорит о ней с болью:

«Река, никуда не впадающая, все лучшие воды и лучшие силы раздарившая так, по пути и случайно <...> разве это не образ

<...> арестантских жиней, которым ничего не дано сделать, суждено бесславно заглохнуть...» (3; 254).

Размышления Олега о трагичной судьбе людей тоталитарного государства находят подтверждение в словах Шулубина. Рассуждая о «социальном» поведении человека, Шулубин апеллирует к идеям Пушкина, Фрэнсиса Бекона, Гервега, Владимира Соловьева, Кропоткина, Михайловского. Герой цитирует стихотворение Пушкина «К Вяземскому» о том, что человек в «гнусный век» обречен стать тираном, предателем или узником, и кается в том, что сам превратился в предателя. Олег, назвав предателями тех, кто строчил доносы и лжесвидетельствовал, заявляет, что Пушкин был неправ. С точки зрения Шулубина, в современном обществе доминирует облагороженная стадность и боязнь остаться вне коллектива. Шулубин ссылается на Фрэнсиса Бэкона, утверждавшего, что люди поклоняются идолам рода, идолам пещеры и идолам театра, и поясняет мысли философа: идолы театра — это авторитетные чужие мнения, которыми человек руководствуется при истолковании того, что сам не пережил, а также добровольно принимаемые заблуждения других; идолы рынка — заблуждения, возникшие из-за того, что стало модно употреблять формулировки, насилующие разум: враг народа, изменник и др. Олег приходит к выводу, что неоднократно встречался с идолами театра и рынка. Развивая взгляды Бэкона, Шулубин говорит, что над всеми идолами нависло небо страха, и признается, что 28 лет жил под таким небом: молчал, отрекался от своих взглядов, дабы уцелеть любой ценой, уничтожал книги, попавшие в список запрещенных, называл теорию относительности контрреволюционным мракобесием, осмеивал генетику, а потом его дети тоже стали поклоняться тем же идолам и превратились в предателей. Ссылаясь на трагичную судьбу Орджоникидзе, Шулубин отказывает в героизме тем, кто предпочел умереть или закончить жизнь самоубийством, но не выступил против тиранов. Он цитирует стихотворение Гервега о том, что люди устали любить и жаждут ненавидеть, и предлагает свой вариант окончания этого стихотворения, в котором призывает прекратить ненависть. Шулубин считает, что социализм надо строить не на избытке товаров, а на

любви. Соглашаясь с Владимиром Соловьевым, герой выступает против христианского социализма и ратует за социализм нравственный. Ведя мысленный диалог со многими философами и писателями-гуманистами, Шулубин называет себя осколочком Мирового Духа (3; 404), поскольку ощущает собственное бессилие противостоять злу и изменить мир.

Взгляды философов и поэтов, вплетаясь в повесть «Раковый корпус», создают непрерывный поединок идей, которые не оставляют героев Солженицына безучастными и «призывают» их к рефлексии и формированию собственной позиции относительно рассматриваемых вопросов. При обращении к воззрениям философов и поэтов в рассуждениях героев возникают интертекстуальные связи и единство темы; «внешний» сюжет повести становится «вторичным» на фоне разворачивающейся дискуссии о сущностных вопросах бытия.

Когда Шулубин и Олег спорили о счастье, первый утверждал, что

«не к счастью устремить людей, потому что это тоже идол рынка — “счастье”! — а ко взаимному расположению» (3; 371),

и называл миражом попытки предугадать, каким будет счастье будущих поколений. Олег же, вслед за Толстым, уверен, что

«совсем не уровень благополучия делает счастье людей, а — отношения сердец и наша точка зрения на нашу жизнь. И то, и другое — всегда в нашей власти, <...> человек всегда счастлив, если он хочет этого, и никто не может ему помешать» (3; 232).

В «Раковом корпусе» система персонажей строится с учетом того, насколько люди интегрировали себя в диалог с культурным наследием: кто проигнорировал искания гуманистов ушедших эпох, остался уверенным в правоте внушаемых государством лозунгов и не осознал, что поклонение лжеидеалам, предательства и доносы явились причиной, вызвавшей у него рак (Русанов); кто отверг прежние установки и не обрел новых, утратил смысл жизни (Вадим, Ася); кто обратился к культурному наследию, пришел к пониманию ошибочности своих взглядов и оказался на распутье (Шулубин); усвоившие идеи Толстого — прозрели (Олег, Ефрем) и победили смерть (Олег). Интересуясь культурным наследием и критично

относясь к любому высказыванию, Олег Костоготов, alter ego автора, в день выписки из ракового корпуса ощущает себя, как только что родившийся ребенок, издевавший всю горечь жизни стариков, радуется *ранневесеннему новосотворенному миру* и, ведя мысленный диалог с философами и художниками, готов, как и Толстой, искать собственные ответы на вопросы бытия.

Прошедшая через депортацию санитарка Елизавета Анатольевна назвала все литературные трагедии *смехотворными* по сравнению с событиями XX в. и, отказавшись перечитывать «Анну Каренину», пыталась заслониться от действительности чтением романов на французском языке. Для Елизаветы Анатольевны душевные терзания Карениной несерьезны, поскольку обусловлены своеволием человека, боровшегося за личное счастье. Она судила о героине Толстого как человек, разуверившийся в возможности улучшения социальной системы: на примере своей семьи Елизавета Анатольевна убедилась, что власти по собственному произволу уничтожали в людях любое сопротивление, обрекали непокорных на душевные и физические страдания, бросали в тюрьмы, отправляли в ссылки.

Несмотря на все притеснения тоталитарного государства, многие руководствовались общечеловеческими ценностями. *Нерасчетливая доброта* студентки мединститута Зои, врача Веры Гангарт, супругов Кадминых — парафраз 1) евангельских заповедей о необходимости любить друг друга и 2) идей Толстого.

Таким образом, «Раковый корпус» Солженицына — «полигон» проверки актуальности воззрений философов, политиков и писателей XVII–XX вв. В жанровом отношении — это философско-публицистическая повесть, в которой идеи Толстого «провоцируют» героев на раздумья и споры о смысле жизни, выступают как шкала оценки происходящего, задают высочайшие религиозно-нравственные ориентиры, влияют на мыслящих персонажей, приводя одних к принятию толстовских идей и духовному возрождению, других — к поиску собственных ответов на вопрос «чем люди живы». Частотность апелляции к Толстому по своему «удельному весу»

и роли отличается от обсуждения в повести «Раковый корпус» высказываний других философов, политических лидеров и писателей о «социальном» поведении человека: их взгляды «вторичны» по сравнению с онтологическими ценностями, представленными в творчестве Толстого; для большинства людей тоталитарного государства вопросы гражданского самосознания, поднятые Бэконом и Пушкиным, не актуальны; произведения социалистического реализма многим читателям не внушают доверия. Название рассказа «Чем люди живы» выполняет функцию эпиграфа. Вышесказанное дает основание говорить о наличии в «Раковом корпусе» толстовского текста — не цитируемого «чужого» текста, а текста, организующего нарратив повести Солженицына; цитаты и пересказ идей Бэкона, Пушкина, Гервега, Ленина, Сталина, Горького являются интертекстом, не играющим предопределяющей роли в структуре повести Солженицына. Преобладание толстовского текста в «Раковом корпусе» — дополнительное доказательство непреходящего значения идей Толстого в творчестве Солженицына и в жизни людей последующих эпох.

Примечания

- ¹ [Солженицын А. И.] Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве (март 1976) // Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. С. 445.
- ² Там же. С. 446.
- ³ [Солженицын А. И.] Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989) // Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия. С. 335.
- ⁴ [Солженицын А. И.] Интервью с Рудольфом Аугштайном для журнала «Шпигель» (9 октября 1987) // Солженицын А. И. Публицистика. Т. 3. С. 288.
- ⁵ [Солженицын А. И.] Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (31 октября 1983) // Солженицын А. И. Публицистика. Т. 3. С. 192.
- ⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1953. Т. 64. С. 159.
- ⁷ Солженицын А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2012. Т. 3. С. 18. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Есаулов И. А. «Простые люди» у Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына: к постановке проблемы // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 26–32.
2. Киносита Т. Повествовательный стиль А. И. Солженицына и поэтика Достоевского // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: сб. памяти: 1918 — 2008. — М.: Русский путь, 2009. — С. 121–130.
3. Колобаева Л. А. «Река, впадающая в пески»? Художественные прогнозы Александра Солженицына («Раковый корпус») // Солженицынские тетради: материалы и исследования. — М.: Русский путь, 2012. — Вып. 1. — С. 163–214.
4. Кондратьев А. С. «Война и мир» Л. Н. Толстого и «В круге первом» А. И. Солженицына: духовная традиция и национальное самосознание // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 45–54.
5. Кудинова И. Ю. Полифонизм или диалог? Нарративные стратегии в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — Саратов, 2017. — Т. 17. — Вып. 1. — С. 104–108.
6. Попова Е. А. Нарративные особенности прозы Л. Н. Толстого и А. И. Солженицына // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 195–208.
7. Прохорова Т. Г. Диалог с Толстым в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» // Литература в школе. — М., 2016. — № 9. — С. 205–207.
8. Расторгуева В. С. Эпическое Л. Н. Толстого и А. И. Солженицына в современной историко-культурной проекции // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 19–25.
9. Романов Д. А. Эпос малой формы: лингвопоэтика рассказов Л. Н. Толстого и А. И. Солженицына // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 209–217.
10. Сараскина Л. И. Александр Солженицын читает Льва Толстого // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 4–14.

11. Сатарова Л. Г., Стюфляева Н. В. Рассказ А. И. Солженицына «Матренин двор» в контексте традиций русской классики // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 167–173.
12. Сафронов А. В. Рязанский период творчества Солженицына (повесть «Раковый корпус») // Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина: вековая история как фундамент дальнейшего развития (100-летнему юбилею РГУ имени С. А. Есенина посвящается): материалы научно-практической конференции преподавателей РГУ имени С. А. Есенина по итогам 2014/15 учебного года. — Рязань, 2015. — С. 749–756.
13. Сафронов А. В. Свободный человек из «Ракового корпуса» (образ Максима Чалого в повести А. И. Солженицына) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — Кострома, 2016. — № 1. — С. 104–107.
14. Сытина Ю. Н. Проблема наполеонизма в творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и А. И. Солженицына // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 33–39.
15. Терешкина Д. Б. Человек перед лицом смерти: минейный код повести А. Солженицына «Раковый корпус» // Мир науки, культуры, образования. — Горно-Алтайск, 2015. — № 3 (52). — С. 316–319.
16. Углова Н. В. «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Красное колесо» А. И. Солженицына: образ воина // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9–11 октября 2018 г. Липецк). — Липецк, 2018. — С. 60–66.

Информация об авторе: Масолова Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета.

Дата поступления в редакцию: 20.08.2018

Дата публикации: 10.12.2018

Elena A. Masolova

(Novosibirsk, Russian Federation)

masolova@list.ru

Tolstoy's Text and Intertextuality in Solzhenitsyn's Novel "Cancer Ward"

Abstract. The present research paper is dedicated to the problem of differentiation between Tolstoy's texts and intertextual elements in Solzhenitsyn's "Cancer Ward" by means of revealing the frequency and relevance of an appeal to the ideas of Tolstoy as well as Stalin, Gorky, Bacon, Pushkin, Herverg. In "Cancer Ward" Tolstoy's ideas put forward in the story "What Men Live by", in the short novel "Cossacks" and in the novels "War and Peace" and "Anna Karenina", engender disputes between their characters about the meaning of life. These ideas serve as a rate scale of the events, set the highest religious and moral objectives, influence reflecting characters thus, leading some of them to the adoption of his ideas and spiritual resurrection whereas others to the search for their own answers to the question of being. In Solzhenitsyn's short novel the title of Tolstoy's story "What Men Live by" serves as an epigraph; the system of characters is built in accordance with the person's integration into the dialogue with Tolstoy's ideas and the cultural heritage. Oleg Kostoglotov bearing in mind Tolstoy's lessons does not take anyone's opinions on trust. He develops his own attitude to everything that is happening and becoming spiritually transformed he triumphed over death. The quoted opinions of the philosophers, political leaders and writers about "social" behavior of the Man are "secondary" compared with the ontological values presented in Tolstoy's works and do not play a determinative role in the formation of Solzhenitsyn's characters' worldview. In terms of genre composition, the "Cancer Ward" is a philosophical and publicist short novel. The predominance of Tolstoy's text over the intertextuality is an additional evidence of the timeless significance of his ideas for people of the following centuries.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, L. N. Tolstoy, text, intertextuality, adoption, ontological values, "social" behavior, system of characters, spiritual resurrection

References

1. Esaulov I. A. "Common People" by L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky and A. I. Solzhenitsyn: to the Problem Statement. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshem vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 26–32. (In Russ.)
2. Kinoshita T. The Narrative Style of A. I. Solzhenitsyn and the Poetics of Dostoevsky. In: *Put' Solzhenitsyna v kontekste Bol'shogo Vremeni: sbornik pamyati: 1918–2008* [Alexander Solzhenitsyn's Path in the Context of "Big

- Time*”: *Commemorative Miscellany: 1918–2008*]. Moscow, Russkiy put’ Publ., 2009, pp. 121–130. (In Russ.)
3. Kolobaeva L. A. “River Flowing into the Sands”?: Alexander Solzhenitsyn’s Artistic Expectations (“Cancer Ward”). In: *Solzhenitsynskie tetradi: materialy i issledovaniya* [Studying Solzhenitsyn: Materials and Researches]. Moscow, Russkiy put’ Publ., 2012, issue 1, pp. 163–214. (In Russ.)
 4. Kondrat’ev A. S. “War and Peace” by L. N. Tolstoy and “In the First Circle” by A. I. Solzhenitsyn: Spiritual Tradition and National Identity. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshe vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 45–54. (In Russ.)
 5. Kudinova I. Yu. Polyphony or Dialogue? Narrative Strategies in A. I. Solzhenitsyn’s Novel “Cancer Ward”. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism]. Saratov, 2017, vol. 17, issue 1, pp. 104–108. (In Russ.)
 6. Popova E. A. The Narrative Particularities of the Prose of L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshe vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 195–208. (In Russ.)
 7. Prokhorova T. G. A Dialogue with Tolstoy in A. I. Solzhenitsyn’s Short Novel “Cancer Ward”. In: *Literatura v shkole*, 2016, no. 9, pp. 205–207. (In Russ.)
 8. Rastorgueva V. S. The Epic by L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn in the Modern Historical and Cultural Perspective. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshe vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 19–25. (In Russ.)
 9. Romanov D. A. The Epos of Small Form: Linguistic Poetry of Stories by L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshe vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 209–217. (In Russ.)
 10. Saraskina L. I. Alexander Solzhenitsyn Is Reading Leo Tolstoy. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshe vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)]. Lipetsk, 2018, pp. 4–14. (In Russ.)
 11. Satarova L. G., Styuflyayeva N. V. A. I. Solzhenitsyn’s Story “Matryona’s Place” in the Context of the Traditions of Russian Classics. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshe vremeni: materialy Vserossiyskoy*

- nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: *Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)*]. Lipetsk, 2018, pp. 167–173. (In Russ.)
12. Safronov A. V. The Ryazan Period of the Works of Solzhenitsyn (the Short Novel “Cancer Ward”). In: *Ryazanskiy gosudarstvennyy universitet imeni S. A. Esenina: vekovaya istoriya kak fundament dal'neyshego razvitiya (100-letnemu yubileyu RGU imeni S. A. Esenina posvyashchaetsya): materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley RGU imeni S. A. Esenina po itogam 2014/15 uchebnogo goda* [The Ryazan State University Named for S. A. Yesenin: *Secular History as the Foundation for Further Development (on the Occasion of the 100th Anniversary of the RSU Named for S. A. Yesenin): Materials of the Scientific and Practice Conference of Teachers of the RSU Named for S. A. Yesenin for the Academic Year 2014/15*]. Ryazan, 2015, pp. 749–756. (In Russ.)
 13. Safronov A. V. A Free Man from the “Cancer Ward” (The Image of Maxim Chaly in the Short Novel of A. I. Solzhenitsyn). In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University]. Kostroma, 2016, no. 1, pp. 104–107. (In Russ.)
 14. Sytina Yu. N. The Problem of Napoleonism in the Works of F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshe vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: *Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)*]. Lipetsk, 2018, pp. 33–39. (In Russ.)
 15. Tereshkina D. B. A Man Facing Death: Mineyny Code of A. Solzhenitsyn's Novel “Cancer Ward”. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. Gorno-Altaysk, 2015, no. 3 (52), pp. 316–319. (In Russ.)
 16. Uglova N. V. “War and Peace” by L. N. Tolstoy and “The Red Wheel” by A. I. Solzhenitsyn: The Image of a Warrior. In: *L. N. Tolstoy i A. I. Solzhenitsyn: dialogi v neproshedshe vremeni: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9–11 oktyabrya 2018 g.)* [L. N. Tolstoy and A. I. Solzhenitsyn: *Dialogues in Non Past Time: Materials of the All-Russian Scientific Conference (October 9–11, 2018)*]. Lipetsk, 2018, pp. 60–66. (In Russ.)

Information about the author: *Masolova Elena A.* — PhD. in Philology, Associate Professor of the Department of Philology of the Novosibirsk State Technical University.

Received: August 20, 2018

Date of publication: December 10, 2018